

Прошлой ночью в вилле было так тихо, что слышалось только тиканье часов. Когда Су Няньань встал среди ночи, его шаги были легче пёрышка. Проходя мимо кабинета, он услышал изнутри прерывистый тихий кашель. Звук был приглушённым, но всё равно отчётливо достиг его ушей.

Он долго стоял в холодном коридоре, прежде чем понял: кашляет Лу Чжиянь. Видимо, последние дни тот слишком много сил тратил на дела, а погода похолодала, по ночам поднялся ветер — неудивительно, что он почувствовал себя хуже.

Вернувшись в гостевую комнату, Су Няньань долго ворочался на узкой односпальной кровати и никак не мог уснуть.

Тонкое одеяло пахло пылью и не защищало от ночного холода. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в чёрный потолок, а мысли путались.

В семье Лу он всё время жил настороженно, существуя благодаря редким уступкам Лу Чжияня. Даже прежде чем поднять голову и что-то сказать, ему приходилось несколько раз всё обдумать. Су Няньань постоянно думал, что мог бы сделать хоть что-нибудь, пусть самую мелочь, лишь бы Лу Чжиянь презирал его немного меньше и ему самому жилось чуть легче.

Он вспомнил, как раньше в семье Су госпожа Ду иногда кашляла и на кухне для неё варили сладкий отвар из снежной груши и лилии, смягчающий лёгкие. Сам Су Няньань не выпил из него ни глотка, да и к плите его не подпускали, но примерные ингредиенты и способ приготовления он всё-таки запомнил.

На следующее утро, едва небо начало светлеть, он дождался, пока слуги ещё не поднялись и не начали работу, и тихонько пробрался на пустую кухню. Он хотел попробовать сварить для Лу Чжияня отвар, который смягчит горло и лёгкие.

Кухонная утварь была для него непривычной. Тяжёлый глиняный горшок он прижимал к груди, руки быстро заболели, и казалось, что сейчас он его уронит.

Продукты он промывал снова и снова. Кожуру со снежной груши срезал неровно, оставив ямки, лепестки лилии разломал на мелкие кусочки. Он боялся, что хоть что-то окажется недостаточно чистым и рассердит Лу Чжияня.

Когда пришло время зажечь плиту, руки дрожали. Вспыхнувшее пламя едва не лизнуло пальцы, а в суматохе кончики пальцев задела раскалённый край кастрюли и сразу покрылись яркой краснотой. Боль обожгла кожу, но Су Няньань лишь стиснул зубы, быстро подержал руку под холодной водой и продолжил.

Он не знал, как правильно регулировать огонь, поэтому всё время стоял у плиты, не отходя ни на шаг, и не сводил глаз с горшка.

Кипящий отвар переливался через край и брызгал на руки, оставляя мелкие волдыри. Боль пронзала кожу, но он не издал ни звука: молча вытирал плиту и продолжал караулить.

Всё утро он провёл на кухне, неуклюже пытаясь сварить этот лечебный отвар. Даже про завтрак забыл. Живот громко урчал от голода, но ему было не до этого.

Когда всё наконец было готово, он посмотрел на мутную жидкость в горшке и уловил лёгкий запах подгоревшего. Внутри всё сжалось от тревоги. Су Няньань понимал, что получилось плохо: вид непривлекательный, вкус наверняка странный. Но всё равно сохранил крошечную надежду и захотел отнести отвар Лу Чжияню.

Он взял чистую белую фарфоровую пиалу, осторожно налил порцию и понёс её обеими руками. Горячий край обжигал ладони докрасна, но он не отпускал. Тихо поднявшись наверх, Су Няньань подошёл к кабинету, глубоко вдохнул и только потом легко постучал.

— Войдите.

Голос Лу Чжияня, как всегда, был холодным и отстранённым.

Су Няньань вошёл с пиалой, сердце билось бешено, ладони вспотели. Поднять голову он не решался, взгляд всё время оставался на полу.

— Господин, я... я сварил отвар. Выпейте немного, горлу станет легче.

Говорил он едва слышно, словно комар пищал. Он протянул пиалу обеими руками. От волнения дрожали кончики пальцев, даже дыхание стало совсем лёгким.

Лу Чжиянь поднял глаза. В пиале плескалась мутная жидкость, на поверхности плавали кусочки неразварившихся ингредиентов, по краям виднелись следы подгоревшего, а запах был какой-то странный. С первого взгляда было ясно — приготовлено кое-как.

Его и без того раздражало нарочитое стремление Су Няньаня угодить, а к такой отвратительной на вид и странно пахнущей похлёбке он даже прикоснуться не хотел.

Брови Лу Чжияня резко сошлись, во взгляде появились явные раздражение и отвращение. Холод вокруг него мгновенно усилился.

— Что это ещё такое? И ты смеешь приносить мне подобное?

Су Няньань застыл. Руки с пиалой качнулись. Вся надежда внутри мгновенно рассыпалась, словно его окатили ледяной водой до самых костей.

— Я... я хотел, чтобы вам стало легче дышать. Сам учился готовить, наверное, не получилось...
— тихо объяснил он. В голосе уже слышались обида и растерянность, глаза слегка покраснели.

Лу Чжиянь больше на него не посмотрел. Он просто протянул руку и резко задел пиалу в руках Су Няньаня.

Белая фарфоровая пиала выскользнула, с силой ударилась об пол. Обжигающий отвар разлетелся по сторонам, фарфор разбился вдребезги. Резкий звон особенно громко прозвучал в тихом кабинете.

— Эту гадость невозможно проглотить, и ты ещё думаешь, что я стану её пить? — голос Лу Чжияня был холоднее зимнего льда. — Впредь не лезь на кухню и не устраивай там беспорядок. Только слугам работу добавляешь.

Су Няньань смотрел на осколки и разлитый отвар, на собственные покрасневшие пальцы, покрытые волдырями. Глаза мгновенно налились слезами.

Он присел, собираясь убрать осколки, и в спешке порезал палец об острый край. Показалась кровь, капнула на пол и смешалась с отваром, но Су Няньань будто ничего не почувствовал. Он только смотрел на беспорядок перед собой, а внутри были лишь стыд и разочарование.

Он всего лишь неуклюже попытался один раз угодить. Хотел сделать то, что ему по силам, хотел, чтобы больному человеку стало чуть легче, а в ответ получил безжалостный отказ и унижение.

Лу Чжиянь даже не взглянул на его раненую руку. Он снова опустил голову к документам, словно только что не разбил пиалу, а раздавил незначительное насекомое — без жалости и без малейшего волнения.

Су Няньань сидел на корточках, собрал все осколки, затем молча принёс швабру и вытер пол. За всё это время он не сказал ни слова, только глаза оставались красными. Обида захлёстывала его волнами, но он мог лишь проглатывать её.

Выходя из кабинета, он шёл словно по воздуху. Раненый палец был зажат в ладони, кровь испачкала кожу. Болела рука, но ещё сильнее — сердце, которое так осторожно пыталось угодить.